

С Е Р И Я
С О Ц И А Л Ь Н А Я
Т Е О Р И Я

В ПОИСКАХ
ЧЕТВЕРТОГО
РИМА

*Российские дебаты
о переносе столицы*

ВАДИМ РОССМАН

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2014

УДК 911.9

ББК 66.0

P76

Составитель серии

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензент

кандидат искусствоведения

СЕРГЕЙ ЗУЕВ

Россман, В.

P76

В поисках Четвертого Рима: Российские дебаты о переносе столицы [Текст] / В. Россман; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 288 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1080-3 (в пер.).

В книге анализируется и обобщается опыт публичной дискуссии о переносе столицы России в контексте теории национального строительства и предлагается концепция столиц как катализаторов этих процессов. Автор рассматривает современную конфронтацию идей по поводу новой столицы страны, различные концепции которой, по его мнению, вытекают из разных представлений и видений идентичности России. Он подробно анализирует аргументы pro и contra и их нормативные предпосылки, типологию предлагаемых столиц, привлекая материал из географии, урбанистики, пространственной экономики, исследований семиотики и символизма городских пространств и других дисциплин, и обращается к опыту переносов столиц в других странах. В центре его внимания не столько обоснованность конкретных географических кандидатур, сколько различные политические и геополитические программы, в которые вписаны эти предложения. Автор также обращается к различным концепциям столицы и ее переноса в российской интеллектуальной истории, проводит сравнительный анализ Москвы с важнейшими современными столицами и столицами стран БРИК, исследует особенности формирования и аномалии российской урбанистической иерархии.

Книга адресована географам, историкам, урбанистам, а также всем, кто интересуется современной политической ситуацией в России.

УДК 911.9

ББК 66.0

ISBN 978-5-7598-1080-3

© Россман В., 2014

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ПЛАН ИЗЛОЖЕНИЯ	20
I. БЛЕСК, НИЩЕТА И ОДИНОЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ	22
1. ИСТОКИ СВЕРХЦЕНТРАЛИЗАЦИИ: ЭФФЕКТЫ КОЛЕИ	23
2. УСИЛЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ СВЕРХЦЕНТРАЛИЗАЦИИ	31
3. МИГРАЦИИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МОСКВЕ	35
4. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	36
5. РОСТ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО КЛАССА ..	37
6. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	38
7. НЕСООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУ СТОИМОСТЬЮ И КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ	39
8. ПЕРЕДОЗИРОВКА ФУНКЦИЙ	41
9. БАЛАНС МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ И МИГРАЦИЙ В МОСКВУ	44
10. СТРУКТУРА «НЕТРУДОВЫХ» ДОХОДОВ МОСКВЫ	46
11. МОСКВООФОБИЯ	51
12. МОСКВА, ЛОНДОН, ПАРИЖ, ТОКИО: СРАВНЕНИЕ В ЦИФРАХ	53
13. СРАВНЕНИЕ СО СТРАНАМИ БРИК	74
14. РОСТ СТОЛИЦЫ НА ФОНЕ ОСТАЛЬНЫХ ГОРОДОВ	76
15. ВЫВОДЫ ИЗ РАСШИРЕННОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА	79

II. РОССИЙСКИЕ ДЕБАТЫ	
О ПЕРЕНОСЕ СТОЛИЦЫ	81
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН	
ОБСУЖДАЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ	81
ПРЕДЫСТОРИЯ	81
СТОЛИЧНЫЕ ДЕБАТЫ	
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	
XIX ВЕКА	85
XX ВЕК: ОТ КИЕВА ДО МОСКВЫ	94
МЫШЛЕНИЕ СТОЛИЦАМИ	
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ	96
ШЕСТЬ СТРАТЕГИЙ ПЕРЕНОСА	100
ПЛАН ОБСУЖДЕНИЯ	100
1. ИМПЕРСКИЕ ПРОЕКТЫ	
НОВОЙ СТОЛИЦЫ	102
2. ТОЧКИ РОСТА НА ВОСТОКЕ	114
3. НОВОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ СТРАНЫ	
В ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ	117
4. КОНЦЕПЦИЯ ЗАПАДНОЙ СТОЛИЦЫ:	
ОТ ИМПЕРИИ К РЕСПУБЛИКЕ	122
5. ФУТУРИСТИЧЕСКАЯ	
ГЕОМЕТРИЯ НОВОЙ СТОЛИЦЫ	129
6. АДМИНИСТРАТИВНАЯ СТОЛИЦА:	
ГОРОД-СПУТНИК ПОД МОСКВОЙ	132
III. КРИТЕРИИ ОЦЕНОК	
И ВОЗРАЖЕНИЯ КРИТИКАМ	163
РАЗБОР НЕСКОЛЬКИХ	
ПОПУЛЯРНЫХ ВОЗРАЖЕНИЙ	163
ПЕРЕНОС СТОЛИЦЫ	
И ТРИ ПЕРЕХОДА	185
ЧЕТЫРЕ ФАКТОРА	
НЕАДЕКВАТНОСТИ МОСКВЫ	
В КАЧЕСТВЕ СТОЛИЦЫ	189

1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ: ОСОБАЯ НЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА	189
2. СЛАБАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ С ПРИНЦИПОМ ФЕДЕРАТИВНОСТИ	194
3. КРИЗИС ИМПЕРСКИХ СИМВОЛОВ В ИКОНОГРАФИИ МОСКВЫ	197
4. АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИИ	201
ПРОЦЕДУРА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ, РИСКИ И СОПУТСТВУЮЩИЕ МЕРОПРИЯТИЯ	206
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	212
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	231
ПРИЛОЖЕНИЯ	256

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга посвящена возможности и желательности переноса столицы России, а также подведению некоторых предварительных итогов уже достаточно давно идущей дискуссии на эту тему. В последние годы эта проблема приобрела особую остроту, занимая значительное место в публичных российских дебатах. Однако до сих пор она остается недостаточно хорошо отрефлектированной и многие темы и проблемы, связанные с ней, по-прежнему часто обсуждаются с крайне субъективных позиций, в форме газетных реплик, поэтических метафор и политических лозунгов. Настало время подвести итоги некоторых из этих дискуссий и взглянуть на проблему более систематически и структурированно.

Переносы столиц все более часто встречающееся явление в мировой политической практике. Они играют важную роль в процессах национального строительства, в революциях, в различных реформаторских планах социальных преобразований, в процессах национальной или региональной интеграции. Бразилия, Пакистан, Казахстан, Малайзия, Бирма и многие другие страны уже перенесли свои столицы. В Афганистане и в Объединенных Арабских Эмиратах ведется строительство новых столичных городов. В десятках стран идут дискуссии о возможности или рациональности такого решения и о лучших кандидатах на эту роль. В числе этих стран — Япония, Южная Корея, Венесуэла, Египет, Иран, Индонезия, Тайланд, Либерия, Тайвань, Монголия, Непал и многие другие страны. Контурсы подобных дискуссий обозначились также в нескольких постсоветских республиках — Таджикистане, Азербайджане, Грузии, Киргизии и Украине.

В XX веке смены столиц играли особенно важную роль в процессах социальной трансформации обществ, становясь важными вехами в формировании постимперских государств. Так русская и турецкая революции,

революция Мейдзи в Японии (1868) и Синьхайская революция в Китае (1911) сопровождались сменами столиц. Подобные тенденции мы видим и во множестве других стран, где переход к республике от политических систем, основанных на королевской или императорской власти, или освобождение от колониальной зависимости сопровождались сменами столиц (в качестве примеров здесь можно привести Йемен, Ливию и многие национально-освободительные движения в государствах Африки и Азии). Новые столицы, заново спланированные города, во многом определяют современный политический ландшафт. В том числе в англосаксонских государствах, таких как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южная Африка.

Во многих странах переносы столиц никак не были связаны с социальными потрясениями, но являлись следствием особых стратегий этих государств, пытавшихся рассредоточить ресурсы и сконцентрироваться на развитии удаленных от исторических урбанистических центров экономических регионов страны. Такова мотивация дискуссий о переносе столиц в Южной Корее, Японии, Тайване и отчасти Таиланде, где эти вопросы остро дискутируются в парламентах этих государств уже в течение нескольких лет.

Переносы столиц, безусловно, не являются каким-то уникальным явлением для современной эпохи. В древности и средние века, в досовременных цивилизациях, происходило множество различных перемещений столиц, связанных, как правило, с особыми военными стратегиями или тактиками фракционной борьбы и религиозным реформаторством.

В некоторых случаях переносы столиц служили специфическим интересам правителей, которые пытались изолировать центры власти от движений протеста, а также более успешно вести фракционную борьбу или осуществлять смену религиозных или государственных идеологий. Новые столицы в таких государствах получили название *отчужденных столиц* (*disembedded capitals*): они были наиболее характерны

для деспотических государств Древнего Востока, хотя такие столицы возникали и продолжают возникать и в других регионах и даже в современном мире [Joffe, 1998; Россман, 2013].

Для имперских государств в период экспансии характерным было строительство новых столиц на границах империй, откуда они должны были расширяться в избранном направлении. Таковы Тигранакерт в Армении, Берген в Норвегии или Берлин в Пруссии, дающие примеры стратегий имперского строительства, основанного на приближении столиц к направлению имперской экспансии. Во многих случаях новые имперские столицы основывались прямо на территориях недавно аннексированных или завоеванных царств, и в этом случае их можно назвать *внедренными столицами*. Таковы Эдирна, Стамбул, Багдад, Самарканд, Даду (столица Кублайхана), Севилья (столица Альмохадов) и многие другие, расположившиеся на территории, недавно присоединенной к империи. Альтернативной моделью имперского строительства было вынесение столиц в тыл или в наиболее лояльные правителям города.

Тем не менее существуют и качественные различия между современными и древними моделями и задачами переносов столиц. Хотя современные государства через перемещения столиц преследуют, в том числе и имперские цели, интересна общая тенденция постепенного смещения акцента с логики войны к концепции, связанной с решением задач и национального строительства и поисков национальной идентичности. Так в государствах Африки, где в XX веке смены столиц такого рода случались наиболее часто, и в некоторых государствах Азии главной задачей было создание принципиально других, более аутентичных центров, которые бы интегрировали различные этнические или религиозные группы, их населяющие; также своей задачей они ставили приближение столиц к древним центрам формирования этих общностей.

В целом можно выделить четыре ключевые интегративные стратегии, которые задействуют различные го-

сударства в решении вопросов государственного или национального строительства, доминирующих в сегодняшних прецедентах такого рода. Это *стратегии компромисса*, а также политической, экономической или исторической интеграции. Стратегия компромисса заключается в поисках нейтрального города по отношению к главным составляющим определенной общности; критерием выбора является промежуточность. Примерами такого рода могут служить Вашингтон в США (компромисс между севером и югом), Оттава в Канаде (компромисс между французской и британской Канадой), Веллингтон в Новой Зеландии (компромисс между южным и северным островом), Брюссель в Бельгии (компромисс между фламандцами и франкофонами).

В контексте исторической интеграции ключевым моментом такого выбора служит необходимость соединения двух различных отрезков истории этих народов, расколотых или разобщенных в результате завоеваний, колонизации или других обстоятельств. Примерами такой исторической интеграции служат Афины, Рим, Иерусалим или Каракорум (кандидатура Каракорума обсуждается сегодня в Монголии).

В своей недавней книге автор уже подробно обсудил и проанализировал многообразие исторических форм и концепций столичных городов, различные исторические прецеденты, мотивации, модели, принципы расположения и способы принятия решений, а также некоторые результаты переносов столиц в глобальной перспективе и в историческом контексте различных государств [Россман, 2013]. Один из важных выводов этой книги состоит в том, что столицы как национальные центры, несмотря на процессы глобализации, продолжают играть важную роль в процессах формирования наций. Они часто становятся своего рода лабораториями национального воображения, стимулирующими эти процессы. При этом во многих странах заметна сознательная тенденция разделения экономических и политических центров, что особенно характерно для государств с федеративным устрой-

ством [Россман, 2013]. Теории постнационального государства и глобализма часто недооценивают продолжающиеся и далеко незаконченные в большинстве стран процессы национального строительства.

Другой важный вывод этой дискуссии состоял в констатации четкой зависимости степени успешности переноса столицы от эффективности и народности политического режима. Демократические политические режимы переносят столицы с лучшими результатами, опираясь на достаточно широкую поддержку этих проектов, на концепцию компромисса и другие интегративные стратегии. Недемократические или менее демократические режимы не всегда находят широкую народную поддержку и часто опираются на дезинтегративные стратегии, но переносы столиц в них, тем не менее, могут решать какие-то более частные проблемы, — например, удержание территорий, балансирование интересов различных фракций, вопросы децентрализации — более или менее эффективно. Наконец, неэффективные политические режимы могут ставить важные интегративные цели, но они часто оказываются малоэффективными в плане имплементации своих планов и потому редко достигают поставленных целей [Там же].

В книге автор сосредоточен на анализе исключительно российских дебатов на эту тему. Дискуссия только начинается: она еще не приобрела необходимой структурированности и характера полноценного обсуждения с обменом аргументами и широким публичным диалогом. Тем важнее зафиксировать некоторые ее принципиальные предпосылки и отправные точки.

Хотя обсуждение этой темы, несомненно, очень трудно уложить в какие-то узкодисциплинарные рамки, чрезвычайно важным кажется выделение, по крайней мере, нескольких теоретических и методологических ориентиров этой дискуссии, связанных, прежде всего, с системой категорий и пониманием критериев эффективности столиц и способов оценки уже осуществленных проектов.

Три более общие темы, на взгляд автора, играют наиболее важную роль в понимании парадигм сегодняшнего спора о столицах: отношения власти и пространства, способы воплощения в пространстве моральных и политических принципов, прежде всего концепции справедливости, а также проблема идентичности и сами способы мышления о пространстве. Особенно важны для дискуссии проблемы национальных образов пространства и политическое бессознательное культуры, которые часто являются несущими конструкциями идей об обустройстве России, организации ее пространства и обретения новой столицы.

Мышление о пространстве может быть не менее важным для понимания текущих дискуссий, чем анализ и устройство самой географии России, ее границ и администрации и ее важнейших конституирующих элементов.

В связи с этим стоит еще раз задуматься об уникальности российского пространственного мышления. Пространственные категории и образы играют особую роль в российской концепции идентичности, быть может, более важную, чем у большинства других народов. Россия — это страна сосредоточенная на пространстве, зачарованная пространством, его бесконечностью, ширию и простором. Русская идентичность находит свое выражение прежде всего в пространственных образах, в акцентации принадлежности к этому большому пространству государства.

Образы русской шири, дали и простора занимают центральное место в различных манифестациях русской культуры, о них писали наиболее пронизательные физиологи русской души такие как Николай Бердяев, который говорил о «власти шири над русской душой» [Бердяев, 1990]. Эта зачарованность слышна в песнях ямщиков и в русских романах. Мечта об овладении вселенской бесконечностью пространства находит свое выражение не только в освоении новых сибирских и дальневосточных земель русскими первопроходцами, но и в русском космизме и програм-

мах космических полетов. Особый пространственный интерес заметен и в русской живописи, например, в особой метафизике света фресок Дионисия в Феропонтовом монастыре. Эта доминанта русской культуры находит свое выражение и в пространственной ангажированности русской литературы, которая стала одной из форм освоения пространства России. Стихия расширяющегося пустого пространства наряду с первородными эллинскими стихиями — огнем, воздухом, водой и землей — является одним из наиболее важных и фундаментальных архетипических образов национального мышления и идентичности.

Но помимо перечисленных прекрасных манифестаций это национальное пространственное бессознательное находит свое выражение и в свойственных ему табу и фобиях, инерционных представлениях, в которых пространство сливается с властью и государственностью, специфических российских концепциях центра и периферии, а также и в недоверии и настороженном отношении к соотечественникам, живущим за пределами России и в коротком для всех без исключения веке, до сих пор существовавшим историческим русским диаспорам. Именно эти, часто бессознательные, пространственные понятия и категории возможно лежат в основе некоторых устойчивых политических представлений и ориентаций, связанных с обсуждением столицы и столичности. Они образуют субстанцию не всегда проговариваемых страхов разъединения и утраты этой территорией своего первородного единства и в поисках новой оси или нового центра, который смог бы остановить возможную утечку этого пространства.

Однако избыточность пространственных и околопространственных категорий в русских языках самоописания — как это часто бывает и в других сферах — скрывает некий дефицит, недостаточность и ограниченность самого этого пространства. Русская ширь и даль часто легко сопрягаются с неукорененностью в пространстве, аморфностью и отсутствием

внутренней структурированности в самом этом пространстве, бесприютностью человека в его бескрайних пределах. Это пространство еще не вполне обрело свои уникальные голоса, внутреннее тепло, сферическую закругленность обжитой вовлеченности, потенции самоорганизации и возможности имманентного порядка. Порядок привносится в него как бы извне, и само пространство и его организация часто становятся только инструментом государства для утверждения своей власти и целей. Государство производит его передел, дробит его по своему произволу и вторгается в его внутреннее устройство. Биология и телесность этого пространства подчинены геометрии государственных задач и стратегиям его господства. Потому и сама идентичность привносится в это пространство как будто откуда-то извне, в том числе и идентичность самого центра. При этом привнесенная идентичность часто характеризуется неизбежной двойственностью. Такую двойственность мы видим в языках российских географических и исторических самоаттестаций — Скандовизантия, Славянотатария, Евразия.

Неосвоенность или недоосвоенность этих гигантских пространств, их стихийный размах и глубина, ставит вопрос о необходимости их внешнего удержания и оформления. Проблема общности и общины как человеческая проблема становится вторичной по отношению к самому громадью пространства и государства, которое им владеет.

В таком аморфном пространстве, лишенном собственной монадической сосредоточенности, центр, по-видимому, обречен играть центральную роль. Центр, в том числе и столица, приобретает абсолютный смысл, по отношению к которому получает свою определенность и форму всякая иная сущность и функция. Это абсолютное «территориальное пространство», противоположное «пространству принадлежности», о котором писал в свое время норвежский социолог Стейн Роккаан. В таком территориальном

пространстве власть имеет тенденцию сведения к минимуму всех конкурирующих с ней идентичностей.

Бердяеву казалось, что сама русская душа подражает шири русского пространства. В русской психологии и экономике, полагал он, есть некая экстенсивность, противоположная западной интенсивности. Но под стать пространству подверстывается и русская история и политика, которые должны быть, как и это пространство — широкими, торжественными и величественными, несмотря на то, что историческое время лишь с трудом просачивается сквозь его толщу. Наше историческое мышление и сама история столь же размашиста — под стать далям, бескрайним ширям и бесконечным горизонтам российского пространства. Русская историософия, украшенная теологическими и метафизическими узорами, велеречиво мчится сквозь века, звеня своими славянофильскими или евразийскими бубенцами. Само огромное пространство и гигантизм русской территории провоцируют создание гигантских метанарративов, которые могли бы своим масштабом каким-то образом соответствовать этому огромному пространству. Однако их рельсы часто ведут в тупик старого имперского депо, а не на просторы новых смыслов и символов.

В таком пространстве и в такой истории центр и столица приобретают особый мистический смысл и их расположению придается особое значение. Встроенный в мистическое пространство и обладающий сверхмиссией такой центр — в противоположность столицам многих других более демократических и плюралистических стран — стяжает все привилегии и определяет судьбу всей территории. Гипертрофированная роль столицы в российском политическом пространстве заключается в том, что в отличие от этих других стран она определяет всю сумму не только политических, но и прочих социальных отношений, в том числе экономических. В такой ситуации столичная тема не может не обрастать мифологическими смыслами.

Именно такие мифологические представления и национальные мифы часто уносят воздушный шар дискуссии о новой столице в невесомый эфир метафизических и историософских спекуляций и альтернативных историй, где обсуждение этой темы и путей дальнейшего развития страны украшается множеством оригинальных и разноцветных интеллектуальных метафор и игрушек, подобно рождественской елке. Далеко не последнее место в ней занимают проблемы укрепления империи и тематика Третьего Рима.

Тем не менее в глубине этой дискуссии, как постарается показать автор, таятся не эти, во многом фиктивные, истории и амбиции, а вполне реальные проблемы и заботы, связанные прежде всего с проблемами единства России, страхом распада страны по швам древних цивилизационных, этнических или религиозных расколов, тоска по справедливости, гражданскому достоинству и утраченному теплу распавшихся общественных связей. Эти реальные заботы и тревога получают мистифицированную формулировку в виде пространственных проблем, вопросов удержания и расширения территории.

После коллапса СССР многие из пространственных стереотипов россиян были подвергнуты критическому исследованию в специфическом российском изводе пространственного поворота в общественных науках (*spatial turn*), который открыл новые ментальные измерения советского и постсоветского пространства наряду с прочими мнимостями российской политической геометрии. Постсоветские социальные науки во многом вернули географическое измерение в осмысление социальной реальности, заговорив о человеке, как таковом, уже во всей совокупности его пространственных, а не только чисто экономических отношений. Они подвергли жесткой критике тенденции платонического изъятия реальности из ее пространственно-географических покровов, которые были характерны для советского марксизма (настоящий марксизм, напротив, всегда был очень чуток к пространственным категори-

ям, как это особенно ярко показал в серии своих работ британский географ Дэвид Харви).

Тем не менее постсоветский пространственный поворот и постсоветские идеологии, в целом не только возродили интерес к забытому пространственному измерению реальности, но и во многом мистифицировали пространство и пространственность, в том числе, как мы увидим ниже, и в споре о новых столицах. Они воспроизвели или создали множество новых мифов о нем. Если пространственный поворот в социальных науках на западе имел ввиду возвращение в пространство из историцистских и хроноцентрических нарративов — к телу, к месту и к пространственно укорененному, в том числе и урбанистическому обществу, к теоретизации публичных пространств, то во многом ложный или половинчатый постсоветский пространственный поворот возвратил в пространство имперские измерения и реабилитировал некоторые весьма древние имперские и мистические концепции. Многие из них расцвели пестрым и блестящим пустоцветом геополитических теорий, не менее, а возможно и более идеологических и аспациальных, чем их марксистско-ленинские предшественники и прототипы.

Метафизические спекуляции по поводу уникальности и экстраординарного устройства российского пространства, его особой мистики и необходимости его имперского удержания и расширения во многих случаях заняли место осмысления, освоения и реорганизации территориальных функций, анализа универсальных и специфических законов, управляющих пространством и пространственными отношениями.

Важность понимания феномена пространственной гиперкомпенсации определила форму обсуждения некоторых идей в заключении к этой книге, посвященной идеологиям и людям, которые зачастую играют в пространство и с пространством, как, впрочем, отчасти и самому пространству, которое тоже иногда играет с людьми. Именно в имперских идеологиях, о которых мы упомянули, наиболее ярко и откровенно выражают-

ся некоторые наиболее устойчивые стереотипы такого мышления, которые в латентном виде и дозированно проникли также и в либеральный дискурс.

Это мышление открыто заявляет о себе в политических манифестах или интеллектуальных рефлексиях, но также и в ментальных принципах и привычках, которые воплотились в самой актуальной конфигурации и организации национального пространства, в пространственном бессознательном культуры, часто связанным с неприятием дуальности, бинарности и двоичности. На взгляд автора, именно в дебатах о столице некоторые элементы такого пространственного бессознательного выявляются в наиболее рельефном и рафинированном виде.

Пользуясь случаем, автор хотел бы поблагодарить Ивана Климова, Олега Оберемко, Владимира Николаева — преподавателей социологического факультета ГУ ВШЭ за помощь в организации и проведении экспертных интервью для данного исследования в 2010–2011 годах, а также всех тех политиков и исследователей, которые предоставили эти интервью. Блэр Рубл, Леонид Сторч, Марк Стейнберг, Владимир Николаев, а также Иосиф Россман и Ирина Лабецкая высказали ценные замечания по поводу рукописи этой книги или некоторых статей, которые стали частью ее. Автор также признателен Валерию Анашвили за его неизменный интерес и сотрудничество в этом и других проектах.

Автор выражает благодарность Международному колледжу Университета Шринакаринвиrot в Бангкоке (**International College for Sustainability Studies, Srinakharinwirot University**), который сделал возможным мою поездку в Россию в 2010 году для сбора материалов к этой книге, а также за создание условий для работы над ее рукописью.

*Вадим Россман
Бангкок, Таиланд
18 ноября, 2012 г.*

ПЛАН ИЗЛОЖЕНИЯ

В первой главе этой работы мы проанализируем некоторые предпосылки, определившие специфику централизованной организации урбанистической системы России и те тенденции, которые закрепляют и усиливают эту централизацию в настоящее время, в том числе культурные, географические, политические и экономические факторы. Этот уровень централизации является одним из важных предметов критики и одной из важных отправных точек тем текущих дискуссий.

Далее мы остановимся на некоторых конкретных манифестациях этой гиперцентрализации в различных сферах, которые будут выражены в цифрах. Для понимания подлинных масштабов и размеров этой централизации мы сравним Москву со столицами наиболее централизованных государств в Европе и со столицей Японии. Это сравнение позволит нам поставить Москву в сравнительную перспективу глобальных городов, сопоставить ее роль и характер интеграции в российское пространство, а также даст нам систему мер и весов, на которых мы сможем произвести измерения.

Далее мы обсудим, хотя и весьма кратко, российский опыт переноса или обретения новых столиц, а также различные нереализованные предложения такого рода, высказанные видными географами, политическими деятелями, интеллектуалами и философами России XIX–XX веков. Это обсуждение позволит нам поставить сегодняшние дебаты в историческую перспективу и показать ее в системе и в категориях интеллектуальной преемственности.

Во второй главе будут проанализированы несколько сложившихся подходов или школ политической мысли в современной России на основе идей и концепций, относящихся к новой столице, а также различные политические, экономические и культурные

цели, которые ставят перед собой авторы этих идей. Далее будут более подробно разобраны некоторые наиболее популярные аргументы, систематические ошибки и недоговоренности, которые прослеживаются в построениях участников этой дискуссии, а также не всегда эксплицитные предпосылки, которые лежат в основе их тезисов и предложений.

В третьей главе автор предложит несколько специальных критериев оценки эффективности столицы и покажет на конкретных примерах экономические, политические и символические параметры несоответствия Москвы на роль кандидата новой федеративной столицы.

Наконец, в заключении автор поставит эти вопросы в контекст международного опыта в этой сфере, обсудит устойчивые стереотипы и идеологическую геополитику как ложный и тупиковый путь обсуждения и понимания столичной тематики, а также подведет итоги этого обсуждения в контексте дальнейших экономических и политических реформ.

1. Блеск, нищета и одиночество российской столицы

Обзор опыта переноса столиц в разных странах мира, осуществленный в предыдущей книге, позволяет по-новому взглянуть на текущие российские дебаты по этому вопросу. Главными внешними факторами, стимулирующими эти дебаты, служат общая неудовлетворенность качеством жизни в Москве, с одной стороны, и недовольство жителей регионов сверхконцентрацией политических функций и экономической ресурсов в одном городе — с другой.

Но прежде чем мы перейдем к анализу тем, непосредственно касающихся российских дискуссий о переносе столицы, необходимо взглянуть на исторические предпосылки этих проблем, структурные особенности российского урбанизма и специфические традиции русской истории, которые предопределили тенденции сверхцентрализации — то, что называется *эффектами колеи (path-dependence)*.

Сначала мы обсудим исторические предпосылки гиперцентрализации, которые связаны с особенностями российских экономических, политических и урбанистических систем. Далее мы кратко остановимся на трендах и внутренних структурных характеристиках Москвы в контексте современной динамики ее роста, а также на некоторых фундаментальных параметрах и индикаторах сверхцентрализации. Наконец, для более адекватной оценки уровня этой централизации, мы сравним эту ситуацию, с одной стороны, с классическими европейскими столицами, а с другой — с остальными странами группы БРИК, в которую входят Бразилия, Россия, Индия и Китай как наиболее близкие России по некоторым параметрам их эконо-

I. Блеск, нищета и одиночество российской столицы мического роста и места в международной капиталистической системе. Мы обсудим также вопросы о референтности этих столичных городов по отношению к Москве и некоторые их кардинальные отличия от нее.

1. ИСТОКИ СВЕРХЦЕНТРАЛИЗАЦИИ: ЭФФЕКТЫ КОЛЕИ

Не претендуя на систематическое обсуждение этого вопроса, остановимся кратко на некоторых аспектах *особенностей российской урбанизации*.

Помимо явных политических факторов, в основе сильно выраженных приматных характеристик российской столицы лежат некоторые объективные географические и исторические обстоятельства.

Низкая плотность российских городов

Известно, что до монгольского завоевания в России возникла некоторая основа для урбанистического развития, связанная по преимуществу с участием в транзитной торговле на пути «из варяг в греки» и по волжскому пути «из греков в арапы». Хотя эту урбанистическую составляющую не стоит преувеличивать, городские формы хозяйства в таких городах как Новгород и Киев были развиты и интегрированы в международную систему торговли¹. После монгольского завоевания и смещения торговых трактов на запад плотность городов падает, города становятся по преимуществу военными и административными центрами. В XVIII–XIX веках идут широкие процессы

¹ Глазычев опровергает распространенное заблуждение по поводу высокого уровня развития городов в домонгольской Руси, указывая, во-первых, на ложное толкование скандинавского названия Руси («гардарики») как якобы *страны городов*, а, во-вторых, указывая на негородские источники главного продукта русского экспортного хозяйства — пушнины [Глазычев, 2012: 13].

дезурбанизации, связанные главным образом с аграрной ориентацией российской экономики [Полян, Нефедова, Трейвиш, 2001].

Несмотря на попытки широкой урбанизации и индустриализации страны в советский период, элементы этого наследия очевидны и в характеристиках современной урбанистической сети. Согласно вычислениям Андрея Трейвиша, если средняя плотность городов в Европе составляет 8–15 километров, то в европейской России — всего 45–75 километров. Плотность городов на Урале и в Сибири составляет соответственно 150 и 500 километров [Трейвиш, 2002].

Кроме того, урбанонологи обращают внимание на неразвитость в России *качественной* урбанизации. Для понимания последней необходимо учитывать наличие трех различных и относительно независимых измерений урбанизации, которые выделяют авторы работ о трансформации человеческих поселений: *демографическую, поведенческую и структурную*. Если уровень *демографической урбанизации* в России кажется достаточно высоким, то уровень *поведенческой и структурной урбанизации* остается низким и несопоставимым с уровнем европейских стран. В России стиль жизни горожан и их культура еще тесно связаны с негородскими формами хозяйства и жизнеобеспечения — то, что урбанонологи называют *распределенным образом жизни* [Кордонский, 2009]. Во многих поселениях, считающихся городскими, остаются неразвитыми или отсутствуют самые базовые элементы городской инфраструктуры — система централизованного отопления, телефонная связь, канализация, подвод горячей воды и другие элементы городского комфорта [Полян, Нефедова, Трейвиш, 2001]. Многие из населенных пунктов, считавшиеся в СССР городами, реально были слободами, прикрепленными к фабрикам [Глазычев, 1997]. Кроме того, сами количественные параметры настоящего и исторического уровня урбанизации неоднократно уточнялись российскими и зарубежными

урбанологами в сторону значительного уменьшения [Гольц, 2002]. В латиноамериканском контексте в связи с несоответствиями между демографическими и структурно-поведенческими измерениями урбанизации, родом занятий новых городских жителей, иногда говорят о явлениях *ложной урбанизации*, и такое описание, вероятно, в какой-то степени можно применить и к России.

В качестве интересной особенности российского урбанизма стоит обратить внимание также на то, что треть городов российской федерации расположена в зоне 500-километрового радиуса от Москвы [Лаппо, 2002].

Дефицит крупных городов

Другой аспект этой же проблемы состоит в неразвитости или недостатке крупных городов. Речь идет о чрезвычайно малом количестве — относительно территории страны — крупных региональных центров, которые могли бы реализовывать свой агломерационный потенциал, связывать страну с мировой экономикой и служили бы узлами глобального коммерческого или культурного обмена, локомотивами модернизации. Большинство российских городов-миллионников не играют серьезной международной роли и несопоставимы по своей значимости с Москвой.

Речь идет отнюдь не о новой урбанистической проблеме. Еще в 1970 году авторитетный американский урбанист Кристофер Харрис, изучавший урбанистическую иерархию СССР, заметил по этому поводу: «Москва является приматным городом в урбанистической системе всей России. Но его приматность связана не с собственными размерами столицы, а с тем, что следующие по величине города в стране слишком малы» [Harris, 1970: 89]. Колоссальный рост Москвы с начала 1990-х годов, не вполне учитывающийся в цифрах официальной статистики, сделал первое

наблюдение Харриса менее важным и актуальным, чем его вторую часть.

Наталья Зубаревич, специалист по экономической географии, в одной из своих недавних статей подтверждает и уточняет вторую часть мысли Харриса. Ссылаясь на тезисы доклада Мирового банка по России за 2003 год, она говорит о том, что «российские города не соответствуют правилу *ранг-размер*, которое называют правилом Зипфа. Суть его в том, что распределение городов в соответствии с логарифмами их размеров (численности населения) и рангов (порядкового номера по величине) образует прямую линию. Это эмпирическое правило подтверждается для многих стран, в том числе для США и Франции. В России в соответствии с правилом Зипфа² должно быть несколько городов с населением 2–6 миллионов человек, но в действительности нет ни одного (за исключением Петербурга. — В. Р.)» [Зубаревич, 2007].

Каковы импликации этих процессов для функции столицы? Как мы уже видели на примере анализа европейской урбанистической иерархии Стейном Рокканом, плотность городов оказывает непосредственное влияние на функции центра и уровень централизации [Rokkan, 1980]. В государствах с большой территорией и низкой плотностью городов, в столицах концентрируется значительное число полномочий и функций. Здесь нет политического *буфера* в виде городов в ка-

² Закон Зипфа принадлежит к числу естественных эмпирических законов. Известный американский экономист Пол Кругман остроумно замечает в этой связи: «экономическую теорию часто упрекают в том, что ее модели являются слишком упрощенными и предлагают слишком удобные взгляды на сложную и неоднозначную реальность. В случае закона Зипфа верно как раз обратное: в противоположность нашим сложным и неоднозначным моделям реальность как раз удобна и проста» (цит. по: [Vedder, 1996]). Реальность практически всех городских сетей выявляет весьма простой закон, который отражен в законе Зипфа и который, в силу не имеющих отношения к собственно экономике обстоятельств, не действует в России.

I. Блеск, нищета и одиночество российской столицы
честве независимых экономических центров. *Гипертрофированная роль столицы во многом отражает неразвитость урбанистической сети государства и дефицит городского начала как такового.*

Недиверсифицированная ресурсная экономика

В странах с преимущественно ресурсной экономикой (экспорт сельхозпродукции, энергоносителей и сырья), отношения производства и обмена оказываются подчиненными по отношению к процессам распределения и перераспределения рентных доходов. Это усугубляет процессы централизации, так как центр выступает в качестве арбитра или полноправного хозяина ресурсной ренты, которую он может распределять в соответствии со своими политическими и экономическими интересами и предпочтениями. Поэтому доля ресурсов в экспорте страны часто определяет уровень централизации государства.

Кроме того, ресурсная экономика, как правило, не связана с собственно городскими формами хозяйства. Там где господствует этот тип экономики, крупные компании зависят не от конкурентоспособности своих товаров, а от конъюнктуры мировых цен на энергоресурсы и сырье. В результате города не могут развиваться и лишаются экономической базы, что усиливает их зависимость от центра и может стать почвой для развития и закрепления их иждивенческой позиции. Кроме того, ресурсная экономика не требует для своего развития значительных трудовых ресурсов и создает мало рабочих мест, которые могли бы служить основой городской формы занятости [Мартынов, 2004].

Недостаточное развитие политического регионализма

Недостаточное развитие политического регионализма отчасти является сопутствующим обстоятельством,

усугубляющим сверхцентрализацию, а отчасти — результатом тех факторов, которые мы обсудили выше. Слабое развитие регионализма в какой-то мере связано с недостаточной географической дифференцированностью регионов России и недостатком естественных границ. Тем не менее главными причинами, определяющими эту особенность, на взгляд автора, являются политические и экономические факторы.

Будучи зависимыми от распределения рентных доходов, регионы оказываются заложниками сверхцентрализованной политической системы. Вертикальные связи получают преимущество по отношению к горизонтальным, и политическое, экономическое и социальное пространство структурируются в соответствии с властной вертикалью. В результате политически слабые регионы косвенным образом усиливают центр и их экономические и политические идентичности оказываются недостаточно выраженными.

По своему происхождению (*системы расселения*) российские города являются по преимуществу административными и военными центрами, а не самостоятельными экономическими единицами с развитыми формами самоуправления. Отсутствие качественных и автономных экономических характеристик у большинства существующих российских городских центров усугубляет ситуацию сверхцентрализации.

Города, часто зависимые от государственных заказов, не будучи в состоянии решить своих проблем самостоятельно, существуют за счет решений центра и не могут выступать в роли политических субъектов и отстаивать свои интересы. В результате региональная политика начинает строиться на лояльности и клиентализме по отношению к центру с элементами патронажа, а не на отстаивании специфических региональных экономических и политических интересов. К этому приводит также преимущественное использование дистрибутивного (выравнивающего), а не аллокативного (стимулирующего) принципа в распределении ресурсных доходов.

Напротив, в тех странах, где города обладают ярко выраженной экономической идентичностью, часто существует и более сильная региональная политическая идентичность. Иллюстрацией сильных региональных идентичностей могут служить земли в Германии и штаты в США, обладающие четко выраженной экономической специализацией. Даже в такой централизованной стране как Франция в эпоху Французской революции существовали важные и сильные политические идентичности: радикализм аристократическо-плебейского Парижа, буржуазная умеренность Жиронды и феодально-клерикальная ориентация Вандеи [Tilly, 1992: 9].

Культурно-политические влияния

В связи с *эффектами колеи* стоит хотя бы весьма кратко упомянуть о различиях между западноевропейской и восточной моделями взаимоотношений между столицами и остальными городами и самим типом городов на примере Западной и Восточной Римских империй.

Речь здесь идет не только о влиянии социально-культурных матриц Византии на Русь, но и о весьма конкретных элементах культурных заимствований из арсенала урбанистических форм и моделей отношений между центром и периферией. Хотя эта связь может показаться слишком отдаленной и натянутой, русские столицы не только прямо подражали Константинополю как Второму Риму в своем архитектурном устройстве и символизме, но и *вольнo или невольнo, в большей или меньшей степени могли воспроизводить* также и модель отношений Константинополя с другими городами империи в своей собственной урбанистической иерархии.

Можно заметить, не претендуя здесь на сколько-нибудь подробное раскрытие огромной и специальной темы византийского урбанизма, что историки в

качестве общей тенденции (хотя здесь, конечно, были также свои циклы подъемов и упадков) указывают на постепенную дезурбанизацию и упадок византийских городов, главным образом средних и мелких, их трансформацию из самоуправляющихся полисов, унаследованных из эллинской античности, в крепости и религиозные центры. Укрупнение Константинополя и немногих больших городов происходило не столько в результате роста их экономики, сколько за счет депопуляции и обнищания провинции и сельской местности. Возрастание значения крупных городов Византийской империи определялось в большей степени их статусом митрополий (церковных центров) и военных укреплений, чем торгово-хозяйственными факторами. Последние типы городов переставали именоваться полисами и стали называться кастронами (крепостями). Историки также указывают на постепенное движение византийских городов от побережья «вглубь» страны, что было связано с аграризацией Византии [Курбатов, 1984: 204]. Незавершенность развития вотчинно-сеньориального строя обусловила, с одной стороны, политическую слабость провинций и землевладельческой знати, а с другой — силу централизованного в столице чиновничества [Сванидзе, 1995].

Интересно, что сами ромеи часто называли свою столицу просто Городом, что, возможно, косвенно указывает на высокую степень приматности их столицы. О центрированности Византии на главном городе свидетельствует также то, что некоторые исследователи называли Византию Константинополитанией [Поляковская, 2003: 197]. Историки указывают на практики привилегированного снабжения столицы, что осуществлялось за счет фиксированных и искусственно сниженных цен на зерно, то есть ограбления деревни. Известно, что константинопольцы были не очень любимы своими соотечественниками [Там же: 197–198]. Следующая цитата из византийского писателя XII века и афинского митрополита Михаила Хонията (1140–1220) хорошо иллюстрирует это положение

I. Блеск, нищета и одиночество российской столицы

вещей: «Вы, пышные граждане Константинополя, не желаете выглянуть из-за своих стен и ворот, не хотите взглянуть на древние окружающие вас города, ждущие от вас справедливости; вы посылаете в них одного за другим податных сборщиков..., чтобы пожрать последнее. Сами же вы остаетесь у себя, предаваясь покоем и извлекая богатство из законов и судебной деятельности, города же опустошают негодные фискалы. Да и чего не хватает вам? Разве плодородные равнины Македонии, Фракии и Фессалии не производят для вас хлеб, разве не выжимают вам вино Эвбея, Птелерия, Хиос и Родос; разве фиванские и коринфские пальцы не ткнут вам одежды; разве не вливаются реки всех богатств в столицу, как в единое море?» [Каждан, Литаврин, 1958].

Этим характеристикам византийского урбанизма противоположны описанные нами тенденции в Западной Европе, в особенности в поясе городов. Имперские государства на периферии Европы также очень постепенно адаптировали некоторые элементы модели пояса городов, но эта модель осталась совершенно чуждой Византии. Таким образом, Византия, будучи источником культурных образцов, моделей и матриц для России, не располагала и не могла предложить той концепции урбанизма, которая была описана Анри Пиренном, Ле Гоффом и другими историками западного средневековья и отцами теории западного города, которая формировалась в Европе на волне революции городов, начиная с XII века. Эта византийская модель отношений между столицей и периферией, возможно, оказала влияние на процессы урбанистического творчества в России.

2. УСИЛЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ СВЕРХЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

В императорской России централизация ресурсов и власти в Санкт-Петербурге в некоторой степени компенсировалась ситуацией *двустолочности*. Москва

Научное издание
Серия «Социальная теория»

ВАДИМ РОССМАН

В ПОИСКАХ ЧЕТВЕРТОГО РИМА:
РОССИЙСКИЕ ДЕБАТЫ
О ПЕРЕНОСЕ СТОЛИЦЫ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Корректор
АННА КУРЕННАЯ
Верстка
ОЛЬГА ИВАНОВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 05.11.2013. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 15,1. Уч.-изд. л. 10,6
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1686. Заказ №